

ВРАТА

12+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Потехин

Врата

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Потехин Д. В.

Врата / Д. В. Потехин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Вселенную породил Создатель, но жизнь на Земле и человечество создал его зловещий двойник Разрушитель. Создал, чтобы подпитываться болью и страданиями собственных детей. В марте 1953 года простые советские школьники становятся невольными участниками схватки двух высших существ.

День Лёньки

Лёнька проснулся и увидел заливающий комнату солнечный свет.

«Ого!» – подумал он, уже забывший, когда последний раз видел солнце.

Потом с еще большей радостью он осознал, что у него уже почти не дерет горло, и голова больше не налита свинцом. Болезнь окончательно сдала позиции.

«Весна! Наконец-то!» – весело думал Лёнька, валяясь на раскладушке в небольшой комнате коммунальной квартиры, вся меблировка которой состояла из широкой деревянной родительской кровати, покосившегося книжного шкафа, тумбочки, письменного стола, пары стульев и зеркала.

Родители ушли на работу, и Лёнька был предоставлен самому себе. Болеть было скверно, но в то же время это были дни настоящей, неподдельной свободы, которую едва ли могли омрачить одиночество и назойливое жужжание над ухом домашних заданий.

Лёнька зевнул, потянулся. Нашарил лежавшую под кроватью «Машину времени», полистал, вспомнил, что забыл заложить страницу. Да и не очень-то хотелось сейчас читать.

Голые ветки с налипшими остатками снега весело махали ему в окно, требуя сейчас же выйти на улицу. Лёнька встал с кровати и подошел к окну. Мартовское солнце преобразило скучный желто-серый лик Москвы, превратив городской пейзаж в сплошной праздник жизни. Во дворе среди подтаявших сугробов, визжа, словно горные орлы, носились дети. Старуха, высунувшись из окна, кормила птиц хлебными крошками. Трое дюжих парней выносили из подъезда шкаф и кое-как грузили его в кузов полуторки под недовольные крики стоявшего рядом хозяина.

Лёнька открыл форточку, высунул руку. Не весна, а настоящее лето! Может и правда выйти?

Он представил, что будет, если он снова заболит.

Ерунда! Болезнь дышит на ладан. Главное: одеться потеплее, укутаться шарфом и не дышать через рот. Да что, в конце концов, может сделаться от десятиминутной прогулки?

Лёнька сунул ноги в стоптанные тапочки, надел рубашку, взял коробку зубного порошку, щетку и почти бегом направился по длинному, обшарпанному коридору к ванной. Этот коридор, в котором никогда не горел свет, а вдоль стен неизменно висело на гвоздях разное барахло, всегда казался ему карикатурно мрачным и неестественно длинным. Даже в такой прекрасный день сюда не проникал ни один лучик света.

Одна из дверей открылась. Лёнька не обратил на это никакого внимания, думая о своем, но вдруг оглушительная затрещина обожгла его правое ухо. Чья-то сильная злая рука схватила его за шиворот и резко дернула назад.

– А ну иди ко мне!

Лёнька в ужасе и недоумении обернулся.

Над ним застыло бледное, вытянутое лицо с крупным сломанным носом и маленькими, круглыми, зияющими безжизненной пустотой глазами.

Рослый человек в белой рубашке и потертых галифе, с полотенцем на шее и опасной бритвой в одной руке наклонился к Лёньке и тихо проговорил, глядя в испуганные глаза мальчика.

– Еще раз будешь подслушивать у моей двери! – он поднес лезвие бритвы к Лёнькиному носу и внушительно повертел им. – Еще раз сунешь свой нос...

Лёнька не верил своим глазам. Он вдруг понял, что этот урод мог напиться или просто сойти с ума, а в соседних комнатах ни души. Никто ему не поможет!

– Ты меня понял, жиденек? – злобно спросил мужчина.

– Д-да

– Пошел! – он пихнул Лёньку с такой силой, что тот едва не споткнулся и не забороздил носом по шершавому полу.

Довольный своей выходкой негодяй, распевая, двинулся в сторону ванной.

– Широкие лиманы, зеленые каштаны...

Лёнька юркнул в одну из незапертых комнат и решил пока зубы не чистить.

– Качается шала-анда на рейде голубо-ом...

Лёнька с ненавистью посмотрел ему в след. На глаза наворачивались слезы.

Это был Георгий Гарцев. Человек без семьи, без друзей, неизвестно откуда взявшийся в квартире много лет назад и неизвестно чем занимавшийся. Соседи смотрели на него со смесью страха и брезгливости, однако тронуть его не смел никто. Ходили слухи, что на его совести самые темные дела, что это благодаря ему из квартиры в свое время исчезли профессор Кондрашевский и инженер Асмолов со своей женой. Впрочем, это были лишь предположения.

Настроение гулять пропало, но не полностью. Лёнька вышел из подъезда и сразу понял, что нет, пожалуй, все-таки еще не лето. Однако поворачивать назад было поздно, и он, подняв воротник (как для тепла, так и для конспирации), похрустывая льдом, направился в сторону арки.

Улица была непривычно пуста и по-прежнему отдавала глубокой зимней меланхолией. Темные молчаливые окна, блеклые вывески, облупившиеся парадные двери. По слякоти проезжей части, ворча, катились серые автомобили. Кое-как убранный с тротуаров снег громоздился грязными сугробами под окнами домов, над которыми свисали, словно зубы хищной глубоководной рыбы, огромные сосульки. Мало кто гулял по Москве в полдень буднего дня. Когда же на другой стороне улицы вдруг показался конный милиционер, Лёнька ощутил себя в новом, прежде незнакомом ему амплуа прогульщика и прохиндея.

Он вдруг почувствовал, что даже в его неполные четырнадцать лет школа по-прежнему держит его душу на короткой цепи. С этим надо было что-то делать.

«Если не порвать эту цепь сейчас, то не освобожусь никогда!» – решил Лёнька и вдруг с какой-то внезапной решимостью зашагал в сторону кинотеатра.

Он чувствовал себя почти преступником.

«Зато не рабом!»

Уже на подходе к зданию до уха Лёньки донесся бой литавр и чья-то громогласная речь. Лёнька почувствовал будоражащее приближение заветного полумрака кинозала.

– На «Максимку», пожалуйста!

Женщина с большим, кривым ртом и уродливой родинкой на щеке с презрением взглянула на мальчика.

– Прогуливаем?

У Лёньки что-то передернулось внутри. Он попытался принять холодный и невозмутимый вид.

– Один билет на «Максимку», – медленно повторил он нестигаемым тоном.

Кассирша равнодушно забрала деньги.

Фильм оказался превосходный: красочный, полный тепла и романтики, пусть даже немного наивной. Из зала Лёнька вышел, думая о парусниках, океанах и о далеком, солнечном острове Куба. Хотя все знающие и уважаемые люди твердили, что он живет во времена небывалого подъема и расцвета Родины и должен быть счастлив, порой Лёньке казалось, что раньше жизнь была немножко лучше или, по крайней мере, попроще, не сказать посвободнее. Был все-таки шанс увидеть далекие страны, о которых теперь можно узнать лишь из книг и журналов.

Поглощенный этими мыслями Лёнька незаметно для себя спустился в метро, доехал до «Охотного ряда». Там от нечего делать прогулялся по залитой солнцем Красной площади и гудящей на все лады улице Горького. Воспоминания о болезни настолько поблекли, что усту-

пили место страху вернуться домой позже родителей. Даже при том, что времени еще было хоть отбавляй.

Когда, выйдя из метро, Лёнька зашагал через дворы, коротая путь к дому, взгляд его приковали к себе двое подростков, шедших впереди и осторожно, как ему показалось, державших друг друга за руки. У того и у другой были школьные портфели.

Лёнька прибавил шаг и стал стремительно нагонять хорошо знакомую парочку.

– А-ая-яй, молодые люди! Как непгилично демонстгиговать всем свои чувства! Вот мы-то в наше вгемя! – прокаркал Лёнька, искусно изображая старого, насмешливого еврея.

– Леон! – воскликнул коренастый парнишка с коротко остриженной головой.

– Ты же болеешь, – улыбнулась хрупкая, темноволосая девочка с глазами красавицы из восточной сказки.

Егор Журавлев и Элина Шахова были лучшими и, пожалуй, единственными друзьями Лёньки. Элина жила в соседнем от Лёньки дворе, и Егор в последнее время взялся провожать ее из школы, очевидно надеясь на новую ступень в отношениях. Никакого разлада в дружбе с Лёнькой это, к счастью, не принесло. У Лёньки любовь стояла на третьем месте после учебы и фантастических романов. Чувство ревности было для него такой же неведомой страстью, как алчность или гордыня.

– Решил сам себе устроить каникулы? – усмехнулся Егор.

– Вроде того. Последний день болею, все-таки.

– Не боишься, что кто-то увидит? – кокетливо спросила Элина. – Стыд-то какой!

– Мы все чего-то боимся, – мудро парировал Лёнька.

Они шагали вместе, всячески шутя и подтрунивая на тему Лёнькиного прогула. Лёнька поинтересовался последними событиями в школе.

– Да все как обычно, – Егор махнул рукой. – Немка сошла с ума. Колыч ей сегодня что-то сказал, так она ему словарем по морде как даст! Потом еще нам всем четыре страницы сильных глаголов задала учить. Четыре страницы к понедельнику, представляешь!

– Я ее понимаю, – иронично вставила Элина. – Целый класс таких лоботрясов кого угодно с ума сведет.

– Угу, а у вас, можно подумать, сплошные благородные девы учатся!

– Девицы! Неуч.

Егор достал из кармана папиросу, не спеша размял и с важным видом начал закуривать.

– А тебе, Лёнь, хотят поручить придумать сюжет к первому мая. Димка сказал: только без всяких заумностей. Чтобы не было как в прошлый раз.

– А он Пушкина редактировать не пробовал? – усмехнулся Лёнька.

– Делай, как он говорит. Чем проще, тем лучше, – посоветовала Элина, морща свой аккуратный носик от папиросного дыма.

– Кстати, что там с домашним заданием?

Они шли вдоль длинного, уродливого забора стройплощадки, не подозревая, что из-за угла наперерез им с неуклонностью падающей кометы движется другая троица.

Разглядывая каракули в дневнике Егора, Лёнька не сразу заметил возникшие перед ним полосы грязной тельняшки и распахнутое пальто без половины пуговиц.

В любой школе, в любом классе обязательно есть хотя бы один настоящий выродок. В Лёнькином классе таким выродком вне всяких сомнений был второгодник Семен Богданов. Долговязый лысый парень с настолько мерзкой физиономией, что еще в семь лет перестал походить на ребенка.

Компанию ему составляли дружки Рыбин и Рычкин, которых из-за схожести фамилий и феноменально низких умственных способностей вся школа воспринимала как одно целое. Они даже напоминали друг друга внешне.

– Зари-ицкий! Сколько лет, сколько зи-им! – нараспев заголосил Богданов своим визгливым голосом. – Ты че, а? Ты же больной?

Лёнька молча вернул Егору дневник и жестом показал, что надо идти дальше, не останавливаясь.

– Э-э! Я с тобой разговариваю!

Рыбин и Рычкин перегородили друзьям дорогу.

– Че, прогуливать начал? А мамочка-то знает?

Лёнька молчал.

По лицам хулиганов было ясно, что они готовят себе большое развлечение.

– Слишком хитрый стал, жидяра? В школе наплел, что болеет, а сам себе взял и выходной устроил! Ничего себе а, братва?

Прихвостни дружно заржали.

– А знаешь, что с вами, жидами, скоро будут делать?

– Если мы жида, то ты фашист! – неожиданно для себя выпалил Лёнька.

Ухмылка исчезла с лица Богданова и уступила место тупому недоумению.

– Чего?

Лёнька пожал плечами, чувствуя, как Элина в отчаянии трясет его за рукав.

– Гитлер тоже евреев ненавидел и считал низшими людьми, – невозмутимо продолжал Лёнька, хотя от страха у него сводило кишки. – С этого и начинался фашизм в Германии.

Богданов схватил Лёньку за воротник и проговорил ему прямо в лицо, брызжа слюной и обдавая водочным перегаром:

– Мой батька в Кенигсберге фашистов зубами грыз! И жидов грыз тоже! Понял, гнида?

В тот же миг Егор что было силы боднул Рычкина в грудь.

Богданов выругался и пихнул Лёньку так, что он упал на спину. К счастью, меховая шапка защитила затылок от удара.

Лёнька с ужасом видел надвигавшегося на него полоумного верзилу.

Егор и Рычкин отвешивали друг-другу тумаки. Рыбин нерешительно подступал к Элине, которая, дико визжа, размахивала перед собой портфелем. Желание помочь другу боролось в нем с соблазном поколотить слабую жертву.

Богданов надел на Лёньку и с размаху ударил его по лицу. Однако Лёнька успел сместить голову, и кулак, скользнув по щеке, врезался в асфальт. Из костяшек пальцев брызнула кровь. Богданов подскочил и принялся трясти разбитой рукой, воя от боли и унижения. Лёнька тоже вскочил. На какой-то миг он почувствовал себя Давидом, сокрушающим огромного Голиафа. Он встал в боксерскую стойку, выставив вперед кулаки. Богданов посмотрел на Лёньку, и в его стеклянных глазах вспыхнуло настоящее бешенство.

Ни с того ни с сего в руке у хулигана появился большой, наточенный самодельный нож. Богданов полоснул им по воздуху с быстротой матерого урки.

Второй раз за этот день Лёнька усомнился, что сможет дожить до его конца. Ему захотелось бежать без оглядки от этого дьявола. Прощайте, родители! Прощай, школа! Прощай, жизнь!

– Ржавый! Ржавый хрен! – завопил вдруг Рыбин с неподдельным ужасом.

Из двора на них, грохоча валенками, несясь рыжебородый великан в ушанке, с лопатой для чистки снега.

Хулиганы бросились наутек. Рычкин, которого Егор с успехом уложил на лопатки, оказался последним и тут же получил здоровый удар железкой по непокрытой голове.

– Шобла сортирная! – проревел дворник, пинком отправив Рычкина догонять свою стаю. Затем, развернувшись к Егору, дал ему подзатыльник.

– Чего в драку лезете, когда девчонка с вами!

Егор тихо ругался, Лёнька облизывал губы, Элина плакала.

Остаток пути друзья прошли, не обронив ни слова.

После такого приключения завершить день у себя дома в кругу семьи показалось величайшим счастьем.

Несмотря на то, что следующая встреча с Богдановым неизбежно должна была произойти в самом ближайшем будущем (если не случится чудо, и его не исключат из школы), Лёнька твердо знал, что пережитый кошмар не повторится. Ни один настоящий убийца не бросится бежать от дворника с лопатой!

Впрочем, это, конечно же, не значило, что Богданов перестал быть опасен. Да и кто сказал, что новая угроза будет исходить именно от него? Лёнька знал, что любая уверенность в завтрашнем дне не более чем самоуспокоение. Он жил в мире, где по улицам ходили люди гораздо более страшные, чем Богданов (о них не говорили по радио, но он их видел), где по дорогам носились ревущие грузовики, а человека могли забрать из его комнаты неизвестно куда, неизвестно за что.

– Травина встретил, – тихо сказал отец, когда мать, поставив кастрюлю на огонь, вернулась в комнату.

– И как он?

– Весел и здоров. Говорит, очень вежливо себя вели, даже налили выпить.

– Господь-спаситель! Он хотя бы понял, за что его?

Отец безнадежно махнул рукой.

– Не знаю, что он там понял. Я, когда услышал его лекцию про строительство египетских пирамид, я... честно сказать, усомнился в его состоятельности.

– Господи! – отец с горьким смехом схватился за голову. – От него уже пол университета шарахается, он не замечает! Вдохновение!

– Ну, зато, видишь, не так страшен оказался черт...

– Это называется «пощупали»! Помнишь сказку «Карась-идеалист»?

Лёнька вспомнил про сборник Салтыкова-Щедрина, которым одно время зачитывался. Потом какой-то гад свистнул у него эту книгу из портфеля.

– Ладно! – с внезапной бодростью сказал отец, отложив газету и хлопнув в ладони. – Корея в огне, коллеги сходят с ума, студенты тупеют... Будем надеяться, что хотя бы ужин удался!

В огромной, пропахшей жареным луком и щами кухне, с висящими под потолком словно привидения простынями, собрались все обитатели коммунальной квартиры. Дети мастерили что-то из спичек, работяги пили водку и рассказывали анекдоты, баба Зоя разливала из самовара чай.

– Так, все тихо! – грозно скомандовала Мария Александровна, повернув выключатель радио. – Тихо, я сказала!

Вся кухня, включая даже пьяных, погрузилась в гробовое молчание.

Репродуктор заговорил. Лёнька слышал этот голос сотни раз, но никак не мог разгадать секрет его удивительной, гипнотизирующей силы.

«В истекшие сутки состояние больного оставалось тяжелым. Развившееся в ночь на второе марта, на почве гипертонической болезни и атеросклероза, кровоизлияние в мозг, в его левое полушарие, привело, наряду с правосторонним параличом конечностей и потерей сознания, к поражению стволовой части мозга с расстройством важнейших функций – дыхания и кровообращения».

– Глухо дело, – мрачно проговорил один работяга.

– Небось, работал по двадцать часов в сутки, от того и слег, – сочувственно прохрипел второй.

Мария Александровна яростно шикнула.

«В течение ночи на четвертое марта нарушения дыхания и кровообращения продолжались. Наибольшие изменения наблюдались со стороны дыхательной функции».

Лёнька несильно прислушивался к тому, что рассказывал диктор, зная, что все равно не сможет составить полную картину. Из чреды медицинских терминов его внимание привлекло одно особо причудливое словосочетание «Дыхание Чейн-Стокса».

– Чейн-Стокса, это что значит? – спросила баба Зоя у пожилого человека, который, кажется, когда-то работал врачом.

– Агония, – едва слышно ответил тот.

– Что?

– Ничего... не знаю!

Лёнька явственно расслышал первое, произнесенное им слово, и почувствовал, как неведомая сила незаметно начинает сотрясать эту кухню и этот дом, и этот город, и весь мир. Агония! Возможно ли после нее что-то кроме смерти? Он посмотрел на родителей. Отец и мать были бледны, но в глазах у них – Лёнька готов был поклясться в этом – сиял крохотный огонек надежды. Краем глаза Лёнька заметил, как стоявший в дверях Гарцев с полным безразличием на лице наливает себе стопку водки.

– Никто не знает, что будет, – промолвил отец, когда Лёнька лежал с закрытыми глазами у себя на раскладушке, тщетно пытаясь уснуть.

– Может, нас оставят в Москве? – прошептала мать.

– Никто ничего не знает, – медленно повторил отец.

Лёнька все-таки смог заснуть. Ему приснился дурацкий страшный сон, от которого он очнулся, содрогаясь всем телом. Услышал за дверью чьи-то тяжелые шаги и снова провалился в сон, на этот раз глубокий и мгновенный.

Добрый маг

Георгий надел армейский тулуп, шапку и, дымя папиросой, вышел из дома в направлении станции метро.

Пока трофейный немецкий поезд нес Гарцева по тоннелям Сокольнической линии, из здания научной библиотеки МГУ на Моховой вышел невысокий старичок в бежевом пальто и шляпе с причудливой узловатой тростью в руке. Из-под опущенных полей шляпы виднелся лишь бледный кончик его носа и стекла пенсне на серебряной цепочке. Нижняя часть лица утопала в роскошной седой бороде, забота о которой, очевидно, занимала у владельца немало времени.

Старик стоял на автобусной остановке посреди безлюдной улицы, когда до его слуха донеслись торопливые приближающиеся шаги.

– Добрый вечер!

Профессор Травин обернулся и, придвинув к глазам пенсне, с недоумением посмотрел на Гарцева.

– Это вы? Добрый вечер. Хотя, по правде, уже скорее ночь. Что вы хотели?

– Я... – нерешительно начал Георгий. – Простите. Я э-э... хотел бы знать точно, что происходит, и какие ходы у нас еще остались?

– Это странно, потому что вас уже должны были детально проинструктировать. На худой конец, у вас есть дексископ, – в голосе профессора отчетливо проступало раздражение.

– Да, я все знаю, но... я чувствовал, что должен с вами встретиться и поговорить.

Гарцев перевел дыхание.

– Он умер?

Профессор кивнул:

– Уже несколько дней назад.

– Но почему...

– Оно полезет на поверхность, как только тело положат в мавзолей. Должен свершиться последний акт поклонения перед мертвым.

– У нас есть гвеналоник, ведь так? Мы можем его использовать!

– Вы считаете, что я идиот и не думал об этом? Мы все об этом думали! Гвеналоник Его не остановит, потенциал слишком низок. Кроме того, Оно знает все наши уловки и фокусы лучше нас самих. Мы сами против воли передаем Ему свои мысли, когда хотим Его уничтожить.

Гарцев чиркнул спичкой, зажигая новую папиросу в подрагивающих губах.

– Но там, – он кивнул в сторону тлевших неподалеку в ночном небе рубиновых звезд. – Что-то же они должны придумать!

– Конечно. И уже придумали! очередное жертвоприношение! Эти младенцы надеются Его задобрить после того, что сами натворили.

Георгий презрительно хмыкнул.

– Да, я полностью разделяю ваши чувства, – продолжал профессор. – Если кого-то и стоит принести в жертву, то только их самих. Поразительные трусы! Алчные, тупые... Столько лет заигрывать с этим чудовищем и не думать о последствиях!

– Стало быть, в жертву принесем себя мы, – прошептал Гарцев.

Они стояли на остановке, переминаясь с ноги на ногу и провожая взглядом редкие автомобили. Гирлянды уличных украшений сияли, словно гигантские жемчужные бусы.

– Это будет великое бедствие. Смута, голод, возможно даже новая война. Война, в мире, где уже изобрели бомбу! А, может, Оно выкинет что-то еще, чего мы пока даже не в силах себе представить.

– Вы хотите, чтобы мы спустились вниз и самостоятельно закрыли все порталы? – сухо спросил Георгий.

В полутьме его лицо под шапкой казалось мертвенно серым.

– Я не хочу. Я проголосовал за это решение, как за единственно возможное. Это единственный способ выиграть время.

– Что-то не так? – осторожно спросил профессор, глядя в беспокойные зрачки Гарцева.

– Д-да.

– Что именно?

– Не знаю, возможно, это сущий пустяк... – Гарцев неумело подбирал слова. – У меня сосед по квартире – мальчишка, еврей. Смышленный, но, сволочь, везде сует свой нос. По моему, он что-то подслушал... может быть, даже увидел в замочную скважину мои тренировки.

– Нестрашно. Мы сотрем ему память.

– Савелий Аркадьевич...

– Черт, где же автобус! Наверно они уже перестали ходить.

– Мастер.

– Да! Кстати, впервые слышу от вас это слово.

Георгий подошел ближе к своему учителю и слегка наклонился. Рядом с ним седобородый старик казался маленьким гномом.

– Вы отправите меня в Лимб без поддержки и без товарищей?

Травин утвердительно моргнул.

Гарцев скривил рот в нервной усмешке.

– Но... вы же осознаете, что посылаете меня на верную смерть?

– Почему на верную? Шансы есть. И потом не вы один будете рисковать жизнью. Известно, кто из нас вернется из этих пещер живым, а кто превратится в пепел. Это чистая лотерея.

– Вы знаете, что это за место! Глупо даже сравнивать с другими секторами!

– Знаю.

– И отправляете меня туда! В одиночку!

– Да.

– Почему, п-профессор?

Травин поднял брови, и в его выпцветших глазах сверкнула стальная беспощадность.

– Есть три причины, по которым вы отправитесь в Лимб. Первая: вы добрый маг, и это ваша обязанность. Вторая: я считал и продолжаю считать вас своим самым выдающимся и талантливым учеником. Кроме того, у вас врожденный иммунитет к Его чарам террора, никто другой в Ордене не может этим похвастаться. И третье, – профессор понизил голос. – Простите за такую откровенность. За свою жизнь вы совершили столько зла и преступлений, что способ искупить их есть только один.

По окаменевшему лицу Гарцева поползли уродливые желваки, безумный взгляд наполнился ненавистью.

– Вы... вы...

Он схватился за голову, потом вдруг яростно плюнул под ноги профессору, оскалив желтоватые зубы.

– Вот! Что я думаю о вас, о вашем Ордене и о вашей школе!

Травин ничего не ответил и лишь многозначительно кашлянул.

Гарцев издал сдавленный вопль, чувствуя, как невидимый комок лезет ему в горло, перекрывая дыхательные пути. В приступе мучительной асфиксии он согнулся пополам и начал оседать на грязный асфальт, хрипя и хватаясь за шею. Травин смотрел на него помертвевшим взглядом, не выражающим ничего, кроме презрения и безразличия. Через некоторое время Гарцев уже бился в конвульсиях, из последних сил пытаясь схватить учителя за полы пальто.

– Придется идти своим ходом, – со вздохом промолвил профессор, взглянув на стрелки карманных часов. – Всего доброго! Знаете, если б я не был с вами знаком столько лет, то наверно не решился бы отправить вас в Лимб. Вдруг вы из чувства мести попытаетесь саботировать операцию? Но! Зная то, как сильно вы любите жизнь, как страстно вы за нее цепляетесь, я пребываю в полной уверенности, что все будет сделано на совесть.

Он бросил последний взгляд на судорожно дергающееся под ногами тело Гарцева и медленно удалился, шаркая калошами.

Комок в горле исчез так же внезапно, как и появился. Гарцев лежал на тротуаре Моховой улицы с покрасневшими, выпученными глазами, отчаянно хватая ртом драгоценный воздух и оглашая улицу жуткими воплями.

Когда он попробовал встать, его стошнило. Пошатываясь и надрывно кашляя, словно больной туберкулезом, Георгий побрел по улице, думая лишь о том, где бы ему сейчас напиться до полного забытья.

Похороны

Елена Дмитриевна схватилась за сердце и, теряя сознание, начала заваливаться набок. Бледный как полотно директор нашел в себе силы ее подхватить. Коридор школы огласили разноголосые рыдания, всхлипы, стоны. Плакали взрослые, плакали подростки, плакали дети.

Сбросив с себя оцепенение, Лёнька повернул голову и увидел тяжело потупившего взгляд Егора. Он не плакал, но выглядел совершенно опустошенным.

– Занятия отменяются! Все свободны! – голосом актера-трагика воскликнул директор.

Ученики стали возвращаться в классы, чтобы забрать вещи. Впервые их мысли ничем не отличались от разговоров взрослых.

– Что же теперь-то?

– Америка нападет!

– Отец говорит, на нем одном все держалось!

– Это должно было случиться, но я не верил! – причитал староста Димка Соловьев, ломая пальцы. – Ах, ах, какая потеря! Какой подкоп под фундамент нашей страны! Если бы было изобретено средство от смерти!

– Пошли в колонный зал!

– Кто ж нас туда пустит! Надо на похороны идти девятого!

– Да че его смотреть-то? – угрюмо буркнул Пашка Козуб, запихивая учебники в старый вещмешок. – В газетах фотографий полно. Айда во двор шайбу гонять!

Биджо Роинишвили врезал ему по макушке трясущимся кулаком.

– Ты што баран глупый?! О ком разговариваешь, дурак! – вскричал он, заливаясь слезами.

Краем глаза Лёнька увидел, как Богданов вышел из класса, свистом зазывая свою братву.

– Пойдем на похороны? – тихо спросил Егор Лёньку.

– Мы все равно его не увидим. Представляешь, сколько народу будет.

– Пойдем! Никогда его вблизи не видел, только на мавзолее издалека. Теперь хоть шанс появился.

Лёньке не очень-то нравилась эта идея, но глаза Егора были полны решимости. «Что-то должно случиться», – мрачно думал Лёнька. Он не смел бросить товарища.

Когда они вместе с сотнями ребят и взрослых высыпали из дверей школы, у входа в соседний корпус Лёнька увидел мелькавшую в толпе черноволосую девочку.

Элина посмотрела на друзей мокрыми глазами.

– Как страшно! Никто ничего не знает, говорят, конец нам всем!

– Слушай их больше! – Лёнька обнял дрожащую фигурку. – Король умер, да здравствует король! Знаешь такую французскую поговорку?

– Мы решили идти на похороны девятого марта, – сказал Егор.

– Я с вами!

– Элина...

– Я тоже хочу увидеть.

Родители Лёньки не допускали и мысли о том, чтобы присутствовать на похоронах. Отец, расхаживая по комнате, гадал, кто же теперь станет «новым кесарем», мать писала письмо родным в Гомель. Зная родителей, Лёнька ни одним словом не обмолвился о своих планах.

Утром девятого марта небо над Москвой было безукоризненно белым, словно огромный кусок савана, накрывший город.

Лёнька, Егор и Элина, стуча ботинками, бежали по улице Кирова, целиком отданной во власть пешеходов. Автомобильное движение прекратилось. Люди неслись отовсюду. Из каждого переулка, подъезда и подворотни то и дело выскакивал взъерошенный человек с замутненным взглядом и присоединялся к потоку. Казалось, в Москву входит беспощадное вражеское войско, или ее вот-вот затопит лава извергающегося вулкана. Мужчины, женщины, подростки, старики, даже безногие инвалиды, катившиеся на своих жалких тележках между тысяч ног. Лёнька видел женщину, у которой в заплечном мешке болтался ее муж, лишенный всех конечностей.

– Держимся вместе! – задыхаясь, орал Лёнька. – Чтоб в толпе не растеряться!

Егор указал на вход во двор.

– Туда! Срежем!

Огромный поток, движимый теми же соображениями, что возникли у Егора, всасывался в темную арку. Толпа заполнила дворы. Люди перелезали через заборы, пробегали по цветочным клумбам. Тот, кто спотыкался, съезжался подобно полураздавленному червю, моля бога, чтобы чужие ноги пощадили его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.